

**Паутина
и Гримуар**

Арсений Гарипов

Паутина и Гримуар

Магадан
Издательство «Охотник»
2012

УДК 882-1
ББК 84 (Рос=Рус) 6-5

Гарипов А. А.

Паутина и Гримуар: кн. стихов / А. Гарипов
— Магадан: Изд. «Охотник», 2012. — 40 с.

В данный цикл вошли стихотворения, написанные автором за 2012 год, в том числе, стихотворения в прозе.

УДК 882-1
ББК 84 (Рос=Рус) 6-5

© Арсений Гарипов, 2012
© Издательство «Охотник», 2012

Вера моя стиснулась комом,
Узлом недоверия влезла под кожу,
Не тронь меня бурый, она расцветает,
Но снова гниет своей чашечкой голой.

Волшебная опухоль в груди атласа —
Вот-вот она лопнет, распустится гноем
Сукровицей мыслью молочных и буйных
О белом-прекрасном, о белом-прекрасном.

Скажите, великие, так почему же
Плоть из цветов ароматна и стройна,
Цветы же из плоти для всех безобразны;
Кому не христианство, а погань дороже?

Гнев

Кипит обугленный рассвет,
Вонзились копыя в языки;
Хвосты пылающих комет
Сошлись в течении реки.

Ты слышишь? Кличи горних дев
Слились в молчании зари;
Лишь горделивый их напев
Сплавляет крыши, фонари...

А в парке вот уж много лет
С вершины сосен, и — всегда
Кричит протяжно «Иринет»
И тут же вторит: «Ирида».

То плачет вещий Гамаюн
О временах, что ныне нет,
Когда Водан горяч и юн
Еще не правил ход планет.

Так выйди вон, взглядишь в зарю,
Увидь ее, чья мысль пьяна
И волосы сродни янтарю
Да в брызгах родрого вина!

Она видна лишь миг; лицо
Сокрыто дымкой золотой,
В руках зажато копьецо,
В глазах же — бой, смертельный бой...

Такой явилась мне она
И оттолкнула, опалив;
Неизречимая вина
Среди колосьев, рек и жнив.

Моя Далила,
Ты рвешь не рвя
Силу мою,
Джоконда моя.

Режешь серпом
В прозрачной глуши
Волосы-травы
Могучей души.

Я молюсь по-христиански
Поганым богам.
Вместо капищ и гор
Мне — подол городка,

Но во мхах фолиантов
Так горько-сладка —
Княженика саксонов,
Заветный огам.

Я ломаю свой разум
Над рунами Эдд;
Выдох и вдох —
И вот крылья мои!

Моя жажда вечна
И, пои — не пои,
Я не брошу искать —
Будь то меч, или плед.

*Do something you can
just because you can't do it.*

Tezuka Rin

Каждый ребенок знает,
Что есть на самом деле
Ступни. — И что же?
— Крылья!
Перчатки на пальцы безруких.
Бабочек кости и плоти
Усики, лапки и брылья.

Живущий не может представить
Тот лес, где бродят калеки:
Оторваны члены и зраки —
Обернулись кто гадом, кто зверем.

А ведь есть и поля далеки,
И сбежать силы есть, наверно,
Но феи поют, ласкаясь:
«Стой, мы тебя обогреем».

Эти духи телесных токов,
Может быть, и не злые вовсе.
Они просто играют, не зная,
Как хрупки их хрустальные кости.

И, пока дышат суховеем
Пальцеглазые синие волки,
А немые коряги и ветки
Грызут соловьиные гроздья,

Мало, кто осознает, поднявшись
С трав текущих, расплестнутых, лживых,
Что пальцев не меньше, чем двадцать,
А душа есть в каждом пункте.

Насте

Вороника грядет!
Ты не падай, вой,
Ни на поле-полет,
Где лишь волчий вой.

Ни на груди мечей,
Ни на грудь мертву;
Твоя кровь — ручей,
Ты умрешь к утру.

Не вздевай брони,
Сбрось кольчужный гнет,
Ко льну черному льни —
Вороника грядет!

М. Волошину

Глубоко измученной природой
В час зачатия — мертвенный и страшный,
Ты исторгнут, вновь, через столетия;
Зверь — не зверь, но ликом человеческий.

Твой язык повис бетонной плетью,
Хвост избурился фонарным черноплодом;
Символ рек людских и морока мирского;
Сим реку тебя пустынным мантикором!

Туманы Сандзу.
Багряные воды.
Дым несвободы.
Стук голышей.

Никтою, нитью
Переплетены
Леном
Кромешным — скелеты мышей.

Вот он, твой мир,
Где детские души
Башенки рушат
По берегам.

Ты волен помочь им,
Вести за собою;
Самое себя не отдашь ли?
— Отдам...

Мои волосы станут рекою,
Рудами руда застынет.
Теплою тенью накроет
Пашни, поля и межи.

После смерти я стану Миром,
Прорасту плодородным полем.
Упаду драгоценной лирой
В океан скандинавской ржи.

Аллерии

Кто обрек тебя на истому
Бесконечную — в этом фантазме?
Десять лет — в ихоре, миазмах,
Моя милая тератома.

Ты застыла, как в снежном коме,
Моя пятая жидкость тела;
Вытекаешь из пор несмело,
Моя милая тератома.

Так за что тебе эта кома?
Ты оформилась только взглядом
И, как опухоль, стойко — рядом,
Моя милая тератома.

*Добро пожаловать в общую кухню
Из объявлений*

Смерть не проходит даром,
Вот залежи руд человеческих.
Слышимо, вестимо — речь их
Подземная — нет, не от Мары.

Чувствовалища? Нет, пепелища!
Безумие — сладостный плод...
Колеса Арианрод
Размолотят ль в муку эту пищу?

Ты видишь? Встает над волнами
Убитый, скукоженный, жалкий —
Зацикленный в палке-копалке,
Чтоб надругаться над нами

Левиафан?

Жертвоприношение

Это тушь на твоём лице,
Это ветер, хвоя и холод,
Это истовый хохот тамтамов,
Это отблески в тысяче глаз.

Пирамида кровавого камня,
Бирюзовые идиолов глыбы...
Тени древних богов оживают,
Обступая недвижимых нас.

Это тушь на твоём лице,
Это древние жадные скалы,
Это острые грани заката,
Это перья серебряных змей.

На тебе — только краска да иней,
Под тобой — хлад алтарных гранитов,
А слеза обезумевшей тундры
В моих пальцах дрожит все сильней.

Опоенная травами смерти,
Под Луной окровавленной спишь ты,
О моя ненаглядная жрица!
Я вспорю твою нежную грудь!

Твое сердце напоит и камни
Ненасытных алтарных гранитов;
Бирюзовых же идолов пасти
Никому никогда не сомкнуть.

Я спускался в Шеол,
Чтоб коснуться ее.
За белой косулей —
В застекленный дол.

Так не ты ли
Поила меня молоком,
Омывая от книжной
Пыли?

Я вернулся в Аид,
Неся тайну твою —
На устах пламенела
Слюна nereид;

Не твои ли
Персты
Беспощадным огнем
Обожгли меня и окрылили?

Ты рекла мне,
Стоя, как сейчас,
Предо мной,
И тяжелые руны пылали вовне —

Твои губы — Гандива;
Не в силах никто
Их согнуть
Ни лукаво, ни криво.

Лимнада осени болотистых предместий,
Уж первый лед коснулся нежных мхов,
Морошка — куколка трясиновых огоньков,
Взбугренной кладкой раскидалась по
просторам

Пружинистым и чутким и, стоя,
Промчится птица по пустому небосклону,
А ты... лишь примешь в обескровленное лоно
Заснеженные дикие поля.

Безумный ягель, извиваясь вполутьмах,
Сжал твои перси в муке голода и страха,
Язык зеленый свесив, как собака,
Так жажда топкого грудного молока!

А после — путнику, бредущему сонливо,
Покажется в заснеженном кусте
В стыдливой, мертвенной, девичьей красоте
Лимнады девственной поруганное тело.

Колыбельная

Вечный покой.
Башня со спиральями.
Спи, мой родной —
От огня ли, от стали ли.

Растоптан, забыт
Ночной кобылицею.
Булатных копыт
Следы вереницею.

Видишь, как феи
Играют над ягодой?
Кто обогреет
Тебя, ненаглядный мой?

Спи, мой родной —
От огня ли, от стали ли.
Вечный покой.
Башня со спиральями.

Осень

Природа забила в грациозном, жертвенном, высоком экстазе. Тихи и девственны ее нежные муки. Это время зовется осень. Могучий молот выбьет последние искры и затихнет до новой весны. Небо — летнее, голубое, уже подернуто снежными тучами. Нет-нет, да дунет промозглый Борей в свой увитый ракушками рог.

Одноглазый старик закончит есть хлеб в дощатой телеге и тронет вожжами. Понуро плетется двойка по пыльной дороге. А он обратит бельмо к вызвездившемуся небу и начнет пытаться мироздание байками, да тягучими песнями, обращенными в пустоту.

Под лунным серпом падают последние жнивы. Солнце — слабое, вызревшее, теряет последнюю мощь под натиском своего таниста. На перекрестках ярче за-

пылали священные алтари Гекаты. Но и они с трудом разрывают туман, окутавший тихие тракты.

Тоскливо и мерзло идти по осенней дороге. Припозднившийся путник вздрагивает от лесных шорохов, боится злых духов-«наездников», подстерегающих беспечных путешественников. И вот он опрометью бежит навстречу слабому огоньку, предвкушая горячую еду и теплую постель таверны... Где ж ему знать, что злую шутку с ним сыграл безвинный болотный дух, танцующий над зыбкой трясиной?

Никта, видя озябшую Землю, милостиво укрыла ее своим покрывалом. Мягкосердна древняя Ночь, и чем холоднее, чем злее становится осень, тем дольше она держит мир в пурпурных объятьях.

Косматый бич хлещет нищие деревушки. Мелкие ручейки давно перемерзли, иней

рвет назревшую ягоду багряным кристаллом, а хромоногий старик все ползет и ползет по пыльным дорогам... Стары, поджары его лошадки, но не оступятся они, не фыркнут. Лишь по угольку пылает в широких глазницах. А и в самом белье, в беззубом, хохочущем рте, в оспяной роже возницы бугрится неизбывная, сатурническая мощь древних планет, и самого Времени.

Доброта незнакомцев

Железный петух склевывает зраки земли.
Ржавый клюв с гротескными ноздрями
мерно выбивает выкарячившиеся бельма.
Он скрипит по небороненному полю, и свист
незрячих, сдувающихся пузырей ползет по
равнине.

Но вот из ветхой почвы поднимается ог-
ромное растение. Тяжело разворачи-
ваются волокнистые листья, на гибком
стволе видны мутные росы. Его рост не-
уловим и стремителен. Миг – и над нелепой
птицей возвышается громада-подсолнух;
сам он черный, а семена – белые. Цепной
ветер, выслуживаясь, налетает, встряхи-
вая исполина, и только уж назревшие
ядра ниспадают, раскалываются, из самых
их недр вырывается пологий свет; под не-
громким сиянием грязь и труха стано-
вятся жирным, лоснящимся черноземом.

Глаза, пропущенные механизмом, чудовищно набухают, крошечные зрачки начинают испуганную пляску в их белесых телах... Невыносимый треск поднимается над пашней, в обновленной земле копошатся мириады гад, кротов, червей — всякая земляная плоть видна в этот миг. Но тает, скоротечно уходит плодородная мощь, и вот перед нами все та же равнина, и тот же петух, железным на-ростом рвущий шипящие коконы.

Куриный бог

Тени снежинок, беспорядочно кружащих в лучах фонарного света, веют безумием. Они — вещь в себе, явление без цели. Слову не дана власть облечь разумом это простое, неразрешимое действие. Без пятнадцати семь, вечер. Метель вздымает и крутит белые хлопья, и кажется, будто крыши полыхают, сочатся снегом, широкими языками слетающим с их покато́й поверхности.

Из вечерней тьмы выступает девушка. Я знаю, кто она, и почему ее светлые волосы легли против порывов ветра. Она вытягивает руку; на ладони — камень, «куриный божок». Трещание крошечных створок мгновенно вливается в вой воздуха между трубами.

На миг тучи разрываются, и Луна освещает камешек. Белесое сияние в небе мимо-

летно, но ладони незнакомки продолжают светиться. Она медленно приложила руки к груди, и мерцание угасло.

Ей пришлось повторить пантомиму несколько раз, пока я, наконец, не понял. Дрожащими от волнения и ветра пальцами я принял у девушки камень и положил его в рот. Он оказался гладким, немного соленым и абсолютно круглым на ощупь. Незнакомка отвернулась; ни знака, ни прощального кивка головой. Набравшись решимости, я сглотнул.

Мне показалось, что горло мое разорвется. Неожиданно камень разросся, заслонил небо, все еще оставаясь во мне. Створки крошечной раковины заполнили мое сознание невыносимым рокотом. Я чувствовал, как с моих глаз слезает роговица, и каждая жидкость тела закипела и стала ртутью.

И снова — людная улица. Я лежу на снегу, из глаз и ушей течет кровь. Кто-то подбегает помочь, кто-то пьяно ругает пьянчуг. Мне все равно. Я с трудом встаю и плетусь к ближайшей витрине. Моего отражения в ней нет — лишь алый, разгоняющий кровь «куриный божок» вместо сердца. С другой стороны стекла — надпись:

«Мы просто перевернули хрусталик».

Монетка

Комок желтых перьев. Туловище, состоящее из головы, обтекаемое, стремительное в небе и до смешного неуклюжее на земле. Я – птичка. То прибиваюсь к стае, то отдаюсь свободе над морскими волнами. Я люблю корабли. Веселые люди внизу радуются моему появлению.

Они кидают в воду монетки. Мне нравятся эти гладкие кругляши. Они напоминают мне отблеск солнца на чешуе неосторожной рыбы, поднявшейся к самой поверхности. Я бросаюсь в воду и достаю, на радость пассажирам, стремительно идущие ко дну кусочки металла.

Однажды меня провела такая монетка. Ее уронила молчаливая, серьезная девушка под белым кружевным зонтиком. Мне захотелось ее порадовать, и я разогнал свое

тельце в пикирующем полете, чтобы вонзиться в воду.

Монетка стремительно уплывала вниз, в голубую бездну. Инерция несла меня на прозрачных крыльях, сотканных самим океаном, я целиком отдалась движению.

Шли минуты, затем — часы. Мне не удалось догнать сверкающую денежку, и я то теряла ее из виду, то снова находила вспыхивающее серебро в темнеющей толще. Я забыла счет времени, отдавшись подводному полету.

Неожиданно меня подхватило могучим течением и понесло вглубь. Я забила крохотными крылышками, но сил моих не хватало, чтобы вырваться из внезапного плена. Я слышала только неумолимый рокот глубинной жизни и гул водных пластов, давящий, жмущий со всех сторон...

Кружение замедлилось, и изумрудным языком волны меня выплеснуло в грот. Он был огромным и бурным; древние сталагмиты поднимались к невидимому в полумраке потолку. Здесь уже не было воды; каким-то чудесным образом морские течения образовывали воздушный купол вокруг пещеры.

Вслед за мной в подземную лагуну вылетела и преследуемая мной монетка. Мелодично звякнув, она покатила по изрытому временем полу. Я побежала, было, за ней, смешно раскачиваясь округлым телом, как она остановилась у складок ослепительных одежд, легших перед моим клювом.

Резко остановившись, я упала на спину, пискнув от неожиданности. Чьи-то прохладные, пахнущие солью руки подобрали меня и приблизили к лицу.

Передо мной стояла девушка из цветов. Ее лицо было соткано из лепестков, неуловимо прилегающих друг к другу и образующих лик, похожий на сжатый бутон. Она источала свежесть, неведомым образом сливавшуюся из чистоты полевых рос, студености северных рек и спокойной величавости закатного моря. Ее волосы, перламутром переливающиеся в полумраке пещеры, украшал простой венок, смотревшийся на ней короной императрицы. А в глазах, полных спокойного любопытства, скользило легкое удовольствие лишь от присутствия крохотной пришельцы с неба в ее одинокой гробнице.

Дева подняла руку и оторвала самое крохотное из соцветий, украшавших ее царственное чело. Вплетя его в мои перья, она опустила меня на землю и легонько подтолкнула к выходу из грота. Не в силах послушаться, я запрыгала на тонких ногах к мерцающей прорези в скалах, и существо

мое содрогнулась при звуках ее неслышно-тихого, нежного смеха, летучемышиним шелестом отразившимся от каменных сводов.

Меня мгновенно вынесло на поверхность, и я ракетой взлетела к такой родной и солнечной лазури небес. Судно с «кружевным зонтиком» успело превратиться в крохотную точку на горизонте, и никто, кроме надменно парящего альбатроса, не видел, как я взмыла над морем, проклиная и благодаря так ловко обхитрившую меня незнакомку.

Арсений Алексеевич Гарипов

Паутина и Гримуар

Книга стихов

Издательство «Охотник»

685000, г. Магадан, ул. Пролетарская, 11, офис 403.

Телефоны: +7 (4132) 63-18-15, 66-50-06

эл. почта: охотник@online.magadan.su

Магадан
Издательство «Охотник»
2013